

22 ОКТ 1978

КОММУНАР

Тупа

ФОРМУЛА СМЕХА

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Есть мастера искусства, которых видел неоднократно и о которых многое знаешь. И тем не менее к ним влечет какая-то неведомая сила, ищешь личного общения с ними, творческих контактов для постижения истоков их обаятельности. Как бы то ни было, а внутренний мир, жизнь артиста, даже блестяще выступившего, скажем, на эстраде или манеже, все-таки остается для зрителей и слушателей тайной за семью печатями. А тайну всегда хочется постичь, разгадать.

Вот эта извечная тяга к постижению истинности таланта и мастерства и привела меня на цирковое представление «Дружба начинается с улыбки», где «красной строкой» проходит имя народного артиста СССР Олега Попова, а затем и в его гардеробную.

После того как Олег Попов освободился от

«атрибутов» своего клоунского облика, мы уселись на небольшой диванчик и принялись тихо и спокойно беседовать.

У моего собеседника — серьезное и мужественное лицо, голубые глаза, постоянно задумчивые, но иногда вспыхивающие озорными огоньками, когда он вспоминает что-то очень приятное или отстаивает свою позицию в искусстве. Артист располагает к себе, вызывает на откровение.

— Вот тут, Олег Константинович, возникает самый интересный и, если так можно выразиться, щепетильный вопрос: как сложился образ вашего комического персонажа, ставшего столь популярным среди любителей цирка всей нашей планеты?

ПОПОВ. Действительно, щепетильный. Потому что рождение маски-образа — дело не одного месяца и даже не одного года. Облик клоуна, если под этим понимать его внешность и внутреннюю суть, его характер, складывается постепенно, и никакими приборами нельзя измерить, проследить этот процесс и зафиксировать его становление.

Скажу только, что на первых порах я невольно кому-то подражал, не впрямую, конечно, но все-таки кого-то копировал, особенно тогда, когда был хороший игровой материал. Но мне это было не по душе. И я стал искать образ своего героя, который бы соответствовал моему темпераменту, моему характеру, наконец, моему мироощущению. По натуре я — оптимист, мой лозунг: «Что бы то ни было, каждый наступающий день встречай улыбкой!» Поэтому мой герой — сангвиник, темпераментный оптимист. Он бодр, весел, в его простецкости есть что-то от русских молодцов-удальцов, которые сами себе на уме и которым палец в рот не клади. Но это добродушие хитрюги, и потому я одариваю зрительный зал такой откровенной улыбкой и озорно подмигиваю его населению. Знаю, что импонирует моему зрителю, который любит простую и незатейливую манеру клоунского поведения. Так родился и утвердился на манеже образ положительного комика.

— Это вам отлично удается, Олег Константинович. Улыбка вашего героя, подмигивание и даже пылливый взгляд его глаз — все это как трансформатор, который преобразует постыные и скучающие лица в лица веселые и улыбающиеся. Ну, а внешний облик, как он родился? Ведь он тоже немало значит, тем более, что выдержал испытание «на прочность» в течение четверти столетия...

ПОПОВ. «На прочность», говорите? Все так. Путь поисков был недолог, но мучителен. Над эскизом костюма работала художница Московского цирка Апель Судакевич. В результате наших совместных поисков на манеж выходил простой, чудаковатый парень в черной белой кепке с копной соломенной волос, одетый в бархатную куртку, белую рубашку с бантом и полосатые штаны. Правда, кепку в шахматную клетку я нашел сам. Во время съемок фильма «Арена смелых», в котором я участвовал, мне приходилось часто бывать на «Мосфильме». Я всегда с удовольствием заходил там на склады с реквизитом. Однажды таким образом я попал на склад, где хранились только головные уборы. Мне сразу бросилась в глаза клетчатая кепка, как шахматная доска. Надел ее, и с тех пор прилепилась она на моей голове — сначала на естественных волосах, а потом и на парике. Год рождения внешнего облика моего героя — 1955-й. А внутренняя суть его продолжала развиваться и оформилась окончательно, наверное, четыре года спустя.

— Все это естественно: взрослеет артист — становится, если угодно, мудрым, более талантливым, накапливает опыт, который обрабатывается заразительным смехом всего зала. И, наверное, не стоит удивляться тому, что добрую половину реприз и интермедий, которым радуются зрители, вы сочиняете сами. Расскажите, пожалуйста, о рождении и

становлении этих произведений, одухотворенных вашим опытом и фантазией.

ПОПОВ. Скажу честно: фантазии здесь никакой нет. Просто надо зорче наблюдать жизнь, выискивая в ее явлениях смешные стороны, и, наконец, развешивать и обогащать то, что уже накоплено цирковой классикой.

Вот пример из сравнительно далекого прошлого. Бумеранг в практике цирка — явление далеко не новое, надежно испытанное. Но когда после облета и фотографирования обратной стороны Луны нашим спутником я повторил старый трюк, бросил бумеранг на «орбиту», зрители очень восторженно приняли эту клоунаду, особенно когда после благополучного возвращения бумеранга я показывал всем фотографию обратной стороны Луны.

— Я видел эту клоунаду. Она действительно производила на зрителей неизгладимое впечатление — современное и злободневное. Прошу вас, Олег Константинович, рассказать о рождении хотя бы одной из тех реприз, которые вы показываете тульскому зрителю.

ПОПОВ. Пожалуйста. Как-то на приеме у врача меня осенило: вот кто может стать героем очередной репризы. Вы сами понимаете, что врач был отнюдь не со «знаком качества». Но как сделать его действующим, активным, чтобы разоблачить его казенный бюрократизм и формализм? Как сделать, чтобы все ложилось на мысль и логику поведения действующих лиц? Долго думал, долго искал, но все, к сожалению, без осязательного результата. Выход подсказала сама жизнь. Как-то я прочитал в газете фельетон, в котором рассказывалось, как участковые милиционеры, чтобы уменьшить процент попадания своих «подопечных» в вытрезвитель, перетаскивали пьяного с границы своего участка на другой и обратно. И тут я ясно представил себе репризу «Утопленник» — о враче-формалисте, который не желает обслуживать больного «не своего участка». Благо, что все трюки с «утопленником» были еще раньше обмозгованы...

ПОЗВОЛЬТЕ МНЕ после этой интересной и содержательной беседы вывести формулу смеха, который вызывает солнечный клоун Олег Попов.

Она, эта формула, лаконична, как и всякая иная формула, хотя на этот раз вмещает в себя массу человеческих эмоций, — светлый разум и оптимизм, мастерство и человечность, бесконечный труд и вдохновенное творчество.

— Мне, правда, не доводилось видеть вас за «черновой» работой. Но все утверждают, что весь реквизит вы изготавливаете сами. Слесарите, плотничаете, клеите...

ПОПОВ. Молва вас не обманула. Да, мне, бывшему слесарю комбината газеты «Правда», не чужда работа с реквизитом. Цирк, клоунада требует реквизита. Без него любая клоунская реприза пуста, хоть ты сам будь о семи ядях во лбу. Многие часы досуга я провожу за изготовлением реквизита для будущей клоунады и интермедий. Это дает мне понять «душу» вещи: ведь она участвует со мной на репетициях, и, если нужно, я ее подправляю, «настрою» на нужный лад, одухотворю. А потом она со мной будет выступать полноправным партнером на представлениях. И я знаю: никто ее не сделает лучше меня. Ведь я вместе с ней, с этой вещью, подбираюсь к сердцу зрителя, чтобы его развеселить.

— Простите, я, наверное, утомил вас, отняв считанные минуты заслуженного отдыха. Разрешите еще один и последний вопрос!

ПОПОВ. Пожалуйста — пожалуйста. Время еще терпит. (Разговор шел между представителями в воскресенье).

— Каковы ваши взгляды, ваше мнение о современном состоянии цирковой клоунады?

ПОПОВ. Проблема клоунады очень злободневна. Надо понять только одно: клоун — хозяин манежа, главная фигура циркового представления. Помимо комедийного дара, он должен владеть еще другими жанрами нашего искусства. И не менее главное — найти оригинальную, неповторимую маску-образ. Тогда он будет интересен, пользоваться любовью зрителей.

Сейчас в цирке выросла молодая поросль клоунов, которых отличает самобытность, оригинальность их творческих поисков. Это Станислав Щукин и Валерий Серебряков, два Геннадия — Ротман и Макавский, Толдоновы (П. Толдонов, В. Минаев и В. Довгань), сын Мусина — Валерий. Каждый из них идет самостоятельным путем, но все они остаются в главном русле развития традиций классической клоунады. И это похвально!

Огорчительно другое. У нас в цирке почти исчезли клоуны-буфф, способные вызывать заразительный смех, украсить любую программу. Думается, нельзя предавать забвению богатое наследие, традиции классической буффонады с ее преувеличенными приемами художественной выразительности — она очень доходчива и стреляет всегда без промаха. Обязанность молодых клоунов не только сохранить, но и умножить, вывести на иную, современную художественную орбиту эти традиции.

Поймите меня правильно. Я вовсе не ратую за сохранение облика, грима и манер поведения клоунов прошлого. Я лишь хочу подчеркнуть, что буффонада была и остается одним из самых выразительных средств циркового искусства. В своей творческой практике я всегда использую элементы буффонады, естественно, в разумных дозах, которые не лишали бы игрового материала жизненного правдоподобия.

И еще. В репертуаре нынешних коверных слишком много лирических реприз и сцен, гораздо меньше оптимистических, жизнерадостных, веселых. Эта диспропорция лишает клоунаду ударной силы. Смех, веселье — вот ее оружие, которое надо совершенствовать постоянно. И потом многие клоуны злоупотребляют пантомимическими сценками, разучились говорить, владеть острым, броским словом. А ведь только клоун, коверный способен придать представлению злободневное, остро современное звучание.

Клоун в цирке — как раз тот персонаж, который доступен людям средствами способным и обязан помогать людям бороться со всякого рода уродливыми явлениями, еще бытующими в нашей жизни.

Вот кратко мой взгляд на проблемы сегодняшней клоунады.

А вдохновение всегда заражает радостью и тех, кто творит, и тех, кто принимает плоды их творчества!

Беседу провел К. ПЕТРОВСКИЙ.

На снимке: народный артист СССР О. К. Попов.

Фото Е. Сускова.